

Два стихотворения от «нобеля»

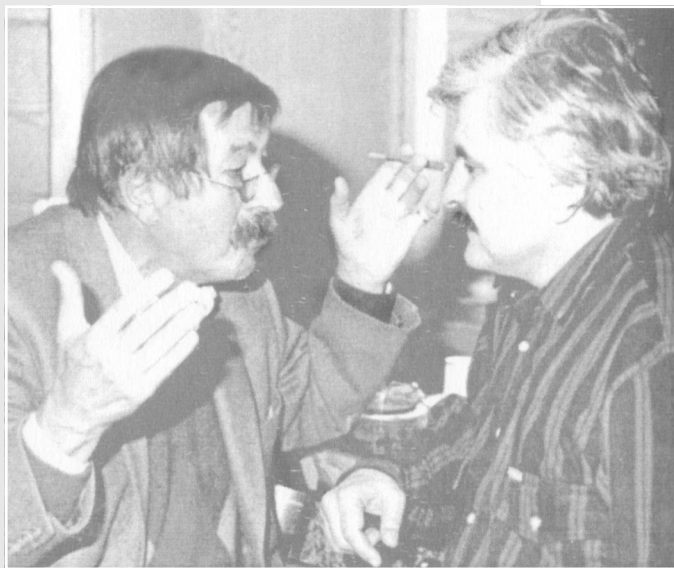
103

Впервые с Гюнтером Грассом, тогда еще не лауреатом Нобелевской премии, я встретился в 1994 году в Праге, на Всемирном конгрессе писателей. Он поразил меня своей открытостью и острой социальной направленностью своих мыслей и чувств. Уже тогда я почувствовал этукую поэтическую глыбу. Да и время было интересное. В России и Восточной Европе неведомая ранее демократия набирала обороты. Особую значимость этому в Праге придавал драматург и Президент Чехии Вацлав Гавел, который активно участвовал в работе писательского форума.

Прошло шесть лет, и Гюнтер Грасс, уже лауреат «нобелевки», прилетел в Москву для участия в 67-м Всемирном конгрессе писателей, впервые собравшемся в России. Как почётный гость он был среди тех, кто торжественно открывал его.

Зная, что в ближайшие дни намечено проведение «Вечера поэзии», Гюнтер изъявил желание участвовать в нём. Он передал мне свои стихи и попросил перевести их на русский язык. Я выполнил его просьбу, и мы вместе, поочередно, прочли их. Оба мы остались довольны нашим немецко-русским дуэтом.

Долгое время эти два стихотворения я не публиковал, они хранились в моем архиве. Во время одной из последних встреч с Гюнтером Грассом я попросил разрешения опубликовать их в новом издании, о котором подробно ему рассказал. И он, с наилучшими пожеланиями в адрес «Казанского альманаха», дал добро.

94-й год, Прага. С Гюнтером Грассом, тогда еще не «нобелем»

Александр Ткаченко
г. Москва

Тюнтер Трасс

В яйце

104

Мы живем в яйце.
Внутреннюю сторону скорлупы
мы измарали неприличными рисунками
и именами наших врагов.
Нас высиживают.

Кто бы нас ни высиживал,
он высиживает и наш карандаш.
Вылупившись в один прекрасный день,
мы тут же нарисуем себе портрет
того, кто нас высиживал.

Мы догадываемся, что нас высиживают.
Мы представляем себе добродушную наседку
и пишем школьные сочинения
на тему окраски и породы
высиживающей нас несушки.

Когда мы вылупимся?
Наши пророки в яйце
за умеренную плату спорят
о продолжительности высиживания.
Они предполагают день X.

От скуки и из истинной потребности
мы изобрели инкубатор.
Мы так печемся о своем выводке в яйце.
Мы бы с радостью предложили наш патент
той, что охраняет нас.

Но у нас есть крыша над головой.
Дряхлые цыплята,
эмбрионы со знанием языков
говорят целыми днями
и еще обсуждают свои сны.

А если нас не будут высиживать?
Если это яйцо никогда не получит трещины?
Если наш горизонт – всего лишь горизонт
наших каракуль и таким и останется?
Мы надеемся, что нас высиживают.

Если мы только и говорим, что о высиживании,
все же остается риск, что кто-то,
за пределами нашей скорлупы, проголодается,
бросит нас на сковородку и посыплет солью.
Что нам делать тогда, братья в яйце?

Накормленные

Грудь моей матери была большой и белой.
Присосаться к соскам.
Быть прихлебателем, пока она не станет бутылкой с соской.
Грозить заиканием, комплексами,
если она вдруг откажет.
Не только жаловаться.

Прозрачный мясной бульон заключает в себе молоко
или мутное варево из тресковых голов,
пока рыбы глаза слепо
не выкатываются приблизительно в направлении счастья.

Мужчины не кормят грудью.
Мужчины косятся тайком, когда коровы
с тяжелым выменем перегораживают
дорогу и перекрывают движение.
Мужчины мечтают о третьей груди.
Мужчины завидуют грудничкам,
им всегда недостает груди.

Наши бородатые младенцы,
платящие налоги и обеспечивающие нас,
сосасывают в перерывах между деловыми встречами,
прилепившись к сигаретам.

После сорока лет всех мужчин стоило бы кормить грудью:
публично и за деньги,
пока они не наедятся досыта и не перестанут хныкать,
плакать им придется в сортире: в одиночку.

Перевод Александра Ткаченко